УДК 340.132

СОВРЕМЕННАЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В ДОКТРИНЕ

Назаренко Г.В., Гревцева А.Ю.

MODERN CRIMINAL LAW POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION AND ITS EFFECT ON DOCTRINE

Nazarenko G.V., Grevtzeva A.Y.

Nazarenko G.V. *– Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, South West State University, Russian Federation, Kursk, e-mail: orcrimpravo@yandex.ru*

Grevtzeva A.Y. *– Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Criminal Law and Procedure, State University – Educational Scientific Production Complex, Russian Federation, Orel, e-mail: angelina.grevceva@mail.ru*

The article deals with the negative trends of criminal law policy of the Russian Federation. Much attention is paid to its imbalance and court discretion of authority, consolidated in criminal law, and the influence of discretion on the conditions of modern criminal law policy.

Keywords: criminal law policy, decodification of criminal law, discretion authority, imbalance of criminal law policy.

В современной уголовно-правовой литературе рефлексируются приоритеты российской уголовно-правовой политики, их социальные и правовые основания, правовые средства обеспечения антикриминальной политики и ее практическая реализация. Вместе с тем значительное число работ посвящено негативным проявлениям государственной политики в сфере противодействия преступности в Российской Федерации. Критическое отношение к реальной уголовно-правовой политике в очередной раз продемонстрировали ведущие отечественные криминологи в январе 2015 г. в ходе обсуждения стратегии развития уголовного права в Московской государственной юридической академии, в котором принимали участие учёные России, стран СНГ и дальнего зарубежья.

Номоконов В.А. в полемическом задоре оценил уголовно-правовую политику как некую имитацию, которая, по большому счету, не является антикриминальной политикой, поскольку реальная практика воздействия на преступность, по его словам, совершенно неадекватна складывающейся криминальной ситуации, во многих аспектах потворствует росту правонарушения и по существу является криминогенной[1]. Ироническое отношение к уголовно-правовой политике выразил Колоколов Н.А., который назвал уголовную политику загадочной очевидностью, которая при наличии «ручного управления» не нуждается в научном осмыслении[2].

Клёнова Т.В. отметила, что в настоящее время уголовно-правовая политика не имеет концептуально ясного характера, отсутствуют программные документы, определяющие стратегию и тактику противодействия преступности, не выработан единый подход к пониманию того, кто должен определять официальную уголовно-правовую политику. В результате современный этап российской уголовно-правовой политики отличает усиление политико-правовых решений исполнительной власти при неактивной роли за-

[1] Номоконов В.А. Уголовная политика – пока – имитация // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII МНПК (29–3 января 2015 г.). – М.: РГ-Пресс, 2015. – С. 18.

[2] Колоколов Н.А. Уголовная политика: загадочная очевидность: монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 3–7.

конодательной и судебной властей. Кроме того, законодательная власть не считает актуальной задачей поддержание стабильности уголовного законодательства, которое является фундаментом уголовно-правовой политики. В Уголовный кодекс Российской Федерации за время его действия внесены изменения 166 Федеральными законами: введены 87 новых статей, исключены 12, внесены поправки в 84,2 % статей, то есть Уголовный кодекс переписан заново. При этом текст УК РФ не стал лучше. По оценкам многих экспертов, уголовный закон утратил системность, декодифицирован, не соответствует криминальной ситуации, содержит множество законодательно-технических дефектов, тем самым дестабилизирует правоприменительную практику[3].

Особое внимание привлекают к себе дискреционные полномочия суда, которые включены в Уголовный кодекс Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. №420-ФЗ и направлены на дальнейшую либерализацию уголовно-правовой политики. Вместо того, чтобы оптимизировать объем и пределы усмотрения суда при назначении наказания и иных мер уголовно-правового характера, законодатель по сути дела передал свои полномочия по установлению категорий преступления на усмотрение суда и тем самым породил новый социально-политический феномен – неолиберальную судебную политику в сфере применения уголовного законодательства. Таким образом, законодатель признал качество судебной практики заведомо более высоким, чем качество уголовного закона, и законодательно закрепил несбалансированное участие суда в процессе реализации уголовно-правовой политики. В этой связи Л.В. Иногамова-Хегай вполне справедливо усмотрела нарушение принципов законности и равенства, так как категоризация преступлений в разных регионах в силу судебного усмотрения проводится неодинаково и со всей очевидностью включает в себя коррупционную составляющую[4]. Н.Г. Иванов, в свою очередь, оценивает реализацию дискреционных возможностей, предоставленных судебным органам, как «злоупотребление правом». Указанный автор подчеркивает, что не вызванная необходимостью дискреционность (слишком широкие дискреционные полномочия) активирует правовой нигилизм и причиняет вред основам уголовно-правовой политики[5].

На наш взгляд, в Общей части УК РФ содержится значительное количество норм, предоставляющих суду дискреционные полномочия при определении объема ответственности лиц, совершивших преступление. Дискреционные полномочия представлены нормами, как предполагающими, так и непосредственно закрепляющими возможность субъектов правоприменения по своему усмотрению, в рамках нормативных предписаний, выбирать соответствующий вариант правоприменительного решения. Технико-юридическая конструкция данных норм выражается в применении законодателем лингвистических средств, таких как наречие «вправе» или глагольная форма «может»[6].

Например, определенная свобода предоставлена суду в реализации отдельных видов наказаний (ч. 3 ст. 47, ст. 48, ч. 4 ст. 50, ч. 3, 5 ст. 53 УК РФ), при назначении осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения (п. «а» ч. 1 и ч. 2 ст. 58 УК РФ), при применении правил назначения наказания (ч. 2 ст. 61, ч. 1.1 ст. 63, ч. 1 ст. 64, ч. 3 ст. 68, ч. 4 ст. 69, ч. 1 ст. 72.1, ст. 73, ч. 1–3 ст. 74 УК РФ), при освобождении от уголовной ответственности и от наказания (ст. 75, 76, ст. 79, ч. 1 ст. 80, ст. 81, ст. 82, ст. 82.1 УК РФ), при решении вопроса о снятии судимости (ч. 5 ст. 86 УК РФ).

[3] Клёнова Т.В. Уголовно-правовая политика в условиях разделения властей // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII МНПК (29–3 января 2015 г.). – М.: РГ-Пресс, 2015. – С. 21–23.

[4] Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы обновления уголовного законодательства // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII МНПК (29–3 января 2015 г.). – М.: РГ-Пресс, 2015. – С. 42.

[5] Иванов Н.Г. Концептуальные идеи развития УК РФ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII МНПК (29–3 января 2015 г.). – М.: РГ-Пресс, 2015. – С. 46.

[6] Валиев Р.Г. К вопросу о дискреционных нормах российского права // Ученые записки Казанского университета. Серия: «Гуманитарные науки». – 2012. – № 4. – С. 7.

Полномочия суда в сфере определения меры уголовной ответственности лиц, нарушивших уголовный закон, были существенно расширены с введением в статью 15 УК РФ части шестой. В соответствии с указанной нормой суду предоставлено право изменять (или не изменять[7]) категорию преступления на менее тяжкую (но не более чем на одну категорию) при наличии ряда условий, рассмотренных далее.

Возможность изменения категории преступления зависит от фактических обстоятельств конкретного преступления (деяния) и степени его общественной опасности. При этом законодатель не разъясняет, какие «фактические обстоятельства преступления» могут лежать в основе решения суда о «понижении» категории совершенного преступления. Решение этого вопроса, таким образом, полностью зависит от личного усмотрения судьи, в производстве которого находится уголовное дело. Известно также, что степень общественной опасности преступления определяется наличием в совершенном деянии отягчающих признаков. Часть 6 ст. 15 УК РФ не содержит указаний, каким образом степень общественной опасности преступления может повлиять на возможность изменения категории преступления. Решение этого вопроса также находится в компетенции суда.

Необходимым условием изменения категории преступления на менее тяжкую является наличие смягчающих наказание обстоятельств и отсутствие отягчающих наказание обстоятельств. По поводу данного условия отметим следующее. Указанный в законе перечень смягчающих наказание обстоятельств является открытым: в соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ при назначении наказания могут учитываться в качестве смягчающих и обстоятельства, не предусмотренные частью первой ст. 61 УК. Это означает, что при определении круга смягчающих наказание обстоятельств ведущая роль отводится суду, и, в свою очередь, от воли суда зависит соблюдение этого условия при решении вопроса о возможности применения ч. 6 ст. 15 УК РФ по конкретному уголовному делу. Также важно учитывать, что отсутствие отягчающих наказание обстоятельств при рассмотрении конкретного уголовного дела является в определенной мере условным. Такие обстоятельства могут иметь место в случае, если они предусмотрены соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве признака преступления и не учитываются повторно при назначении наказания (ч. 2 ст. 63 УК РФ).

Еще одним условием изменения категории преступления в рамках ч. 6 ст. 15 УК РФ выступает размер наказания, назначенный судом за конкретное преступление: за преступление средней тяжести назначенное наказание не должно превышать трех лет лишения свободы, за тяжкое преступление оно не должно быть более пяти лет лишения свободы, за особо тяжкое преступление – более семи лет лишения свободы. Рассматривая данное условие, обратим внимание на тот факт, что Уголовный кодекс Российской Федерации предоставляет правоприменителю широкий круг полномочий в определении размеров наказания за совершенное преступление. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ, при назначении наказания суд наряду с объективными обстоятельствами (характер и степень общественной опасности преступления, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание), основываясь на внутреннем убеждении, оценивает личность виновного, влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. Кроме того, часть 1 ст. 64 УК РФ предоставляет суду возможность назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, в том числе при рецидиве преступлений (ч. 3 ст. 68 УК РФ). Наконец, Федеральный закон от 07 марта 2011 года № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» исключил из большого числа санкций Особенной части УК РФ нижний предел наказания в виде лишения свободы. Сказанное свидетельствует о том, что в настоящее время у суда имеются практически ничем не ограниченные возможности применения ч. 6 ст. 15 УК РФ при вынесении решения по любому уголовному делу, находящемуся в его производстве.

Следует отметить, что изменение категории преступления на менее тяжкую существенно влияет на иные уголовно-правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности. В соответствии с «новой» категорией преступления, во-первых, может определяться вид рецидива преступления

[7] Там же. С. 9

(ст. 18 УК РФ), во-вторых, осужденному к лишению свободы назначается вид исправительного учреждения (ч. 1, 2 ст. 58 УК РФ), в-третьих, могут действовать иные правила назначения наказания по совокупности преступлений (ч. 2, 3 ст. ст. 69 УК РФ), в-четвертых, разрешается вопрос о возможности применения к осужденному наказания условно (п. «б», «в» ч. 1 ст. 73 УК РФ), в-пятых, решается вопрос об отмене или сохранении условного осуждения (ч. 4, 5 ст. 74 УК РФ). Кроме того, изменение категории преступления на менее тяжкую влияет на сроки условно-досрочного освобождения (ч. 3, 7 ст. 79 УК РФ) и сроки замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ч. 2 ст. 80 УК РФ), сроки давности обвинительного приговора суда (ч. 1 ст. 83 УК РФ) и сроки погашения судимости (ч. 3 ст. 86 УК РФ).

Проведенное исследование показывает, что современная уголовно-правовая политика направлена на расширение дискреционных полномочий суда в процессе реализации уголовно-правовых предписаний. Безусловно, закон не в состоянии дать полный алгоритм деятельности судьи, формализовать все разнообразие фактических обстоятельств, ситуаций и соотнести их с характером принимаемых решений[8]. Вместе с тем, по справедливому замечанию Т.А. Бушуевой, расширение судейского усмотрения противоречит принципу справедливости; не соответствует целям уголовной ответственности, способствует усилению коррупционной составляющей[9]. Такая тенденция позволяет назвать пределы судейского усмотрения «необъятными»:[10] принятие судом решений в рамках закона не гарантирует их правосудности. Отсутствие действенных механизмов отбора кандидатов на должности судей, механизмов выявления злоупотреблений при отправлении правосудия, защиты судебной власти от вмешательства преступных элементов ставит под сомнение справедливость приговоров по уголовным делам и порождает опасность трансформации законного судейского усмотрения в судебный произвол.

Серьезным фактором, способным повлиять на изменение уголовной политики, является создание и публикация Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации, размещенной на сайте Общественной палаты РФ. Указанный проект содержит важнейшие теоретические и политико-правовые положения, реализация которых может существенно воздействовать на активизацию борьбы с преступностью.

В документе подробно изложены общие положения, цели и задачи. Заслуживают внимания и поддержки ориентация законодателя на создание компактного Уголовного кодекса с оптимальными санкциями, стремление исключить из Кодекса неоправданно широкую систему иммунитетов от уголовного преследования в соответствии с принципом равенства граждан перед законом. Проект предусматривает положение, согласно которому принцип гуманизма уголовного права не должен входить в противоречие с требованиями социальной и криминологической обоснованности уголовного законодательства. В качестве важной задачи в проекте представлена минимизация объемов усмотрения (дискреционных полномочий) правоприменителя. Этой проблеме посвящен специальный выпуск «БК» (2013, №2).

Вопрос о новой редакции УК в Государственной Думе рассматривался в сентябре 2014 г. на заседании научного совета по правотворчеству. Однако инициировать разработку новой версии парламентарии не решились. Вместо этого последовали новые изменения действующего уголовного закона, направленные на дальнейшую либерализацию уголовно-правовой политики.

[8] Михайловская И.Б. Роль субъективного фактора в осуществлении правосудия // LEX RUSSICA. – 2009. – №3. – С. 589.

[9] Бушуева Т.А. Либерализация, гуманизация и модернизация уголовного закона // Транспортное дело России. – 2012. – №6. – С. 42.

[10] Пархоменко Д.А. Усмотрение в уголовном праве // Проблемы современного российского законодательства: материалы I Всероссийской научно-практической конференции (Иркутск, 18 октября 2012 г.): в 2 ч. Ч. 1. – М., 2012. – С. 302.

Библиография/References

Бушуева Т.А. Либерализация, гуманизация и модернизация уголовного закона // Транспортное дело России. – 2012. – №6. – С. 40–43.

Валиев, Р.Г. К вопросу о дискреционных нормах российского права // Ученые записки казанского университета. Серия: гуманитарные науки. – 2012 – № 4. – С. 7–15.

Колоколов, Н.А. (2014) Уголовная политика: загадочная очевидность: монография. – М. Юрлитинформ. – 208 с.

Михайловская, И.Б. (2009) Роль субъективного фактора в осуществлении правосудия // LEX RUSSICA. – № 3. – С. 588–604.

Номоконов, В.А. (2015) Уголовная политика – пока – имитация // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII МНПК (29–3 января 2015 г.). М. РГ-Пресс.

Пархоменко, Д.А. (2012) Усмотрение в уголовном праве // Проблемы современного российского законодательства: материалы I Всероссийской научно-практической конференции (Иркутск, 18 октября 2012 г.): в 2 ч.. Ч. 1. Иркутск. РПА Минюста России.

Bushueva, T.A. (2012) Liberalizacija, gumanizacija i modernizacija ugolovnogo zakona // Transportnoe delo Rossii. №6., p. 40–43. (In Russ.)

Valiev, R.G. (2012) K voprosu o diskrecionnyh normah rossijskogo prava // Uchenye zapiski kazanskogo universiteta. Serija: gumanitarnye nauki. № 4, p. 7–15. (In Russ.)

Kolokolov, N.A. (2014) Ugolovnaja politika: zagadochnaja ochevidnost': monografija. – M. Jurlitinform. – 208 p. (In Russ.)

Mihajlovskaja, I.B. (2009) Rol' sub#ektivnogo faktora v osushhestvlenii pravosudija // LEX RUSSICA. – № 3. – S. 588–604. (In Russ.)

Nomokonov, V.A. (2015) Ugolovnaja politika – poka – imitacija // Ugolovnoe pravo: strategija razvitija v XXI veke: materialy XII MNPK (29–3 janvarja 2015 g.). M. RG-Press. (In Russ.)

Parhomenko, D.A. (2012) Usmotrenie v ugolovnom prave // Problemy sovremennogo rossijskogo zakonodatel'stva: materialy I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Irkutsk, 18 oktjabrja 2012 g.): v 2 ch.. Ch. 1. Irkutsk. RPA Minjusta Rossii. (In Russ.)